

ФИЛИН Никита Александрович – к.и.н., доцент кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Миусская пл., 6; filinnikita@yahoo.com)

ПИЛОЯН Маргарита Грачиевна – доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Московской государственной академии водного транспорта (117105, Россия, г. Москва, Новоданиловская наб., 2, корп 1; _atanor_@mail.ru)

АЯТОЛЛА АЛИ СИСТАНИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СТАРОЙ ШКОЛЫ ШИИТСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО НАСТАВНИЧЕСТВА

Аннотация. В статье анализируются особенности религиозно-политических взглядов марджа-ат таклид Али Систани и социально-политический контекст его деятельности. Взгляды этого религиозного мыслителя уже сыграли значительную позитивную роль на Ближнем Востоке, и их дальнейшее распространение будет способствовать решению имеющихся там колоссальных проблем.

Ключевые слова: Иран, Ирак, теократия, религиозность, религиозное наставничество, шиизм

Активизация радикального ислама в современном мире является неоспоримым явлением. В СМИ и серьезной научной литературе постоянно делаются попытки осмысления этого факта, предлагаются различные варианты. Однако более внимательный подход к многочисленным исламским течениям показывает, что отнюдь не все они носят деструктивный характер и направлены на жесткую конфронтацию с остальным миром. Наоборот, есть направления, и есть личности, которые могут найти спасительный баланс в тяжелой современной ближневосточной ситуации и деятельность которых может привести к возвращению в этот регион стабильности и необходимого развития.

Одной из таких личностей является очень популярный иракский шиитский теолог аятолла Али Хусайни Систани. Несмотря на возраст (он родился в 1930 г. в Мешхеде, Иран) аятолла сохраняет огромный авторитет и ведет энергичную и разноплановую деятельность. Уже в 11 лет он выбрал для себя будущее, связанное с изучением ислама. Закончил религиозную школу в Куме, а в 1952 г. для углубления образования переехал в иракский Наджаф. Систани стал авторитетным религиозным наставником после смерти аятоллы Абулькасима Хои в 1992 г., получив в наследство от него огромную сеть верующих и религиозной собственности [Rizvi 2010: 1306].

В Наджафе он живет и в настоящее время. Покидал он этот город лишь ненадолго, когда возникла необходимость срочной операции на сердце, которая ему была сделана в Лондоне. В 2004 г. Систани вернулся в Наджаф, его возвращение стало событием колоссального значения для Ирака и для всего шиитского мира. Но Систани вернулся в страну, охваченную множеством религиозных и гражданских конфликтов. Необходимо было определить свое место не только в сложившейся расстановке сил, но и в отношении к американской оккупации, причем позиция Систани не должна была противоречить его устоявшимся богословским и политическим принципам.

В шиитском мире долгое время линия Систани называлась старой и квиетистской [Rahimi 2012: 201-202]. Впрочем, некоторые исследователи считают его самым авторитетным шиитским религиозным деятелем в мире [Nasr 2008: 408]. В данном случае имелась в виду позиция политического «неучастия», которой он придерживался в период правления БААС, а также его идея активного участия богословов в деле защиты интересов общества, но не в деле контроля над государственным аппаратом¹.

Этот подход имеет давние традиции в шиизме. Наиболее ярко он проявился

¹ Khate siyasi Ayatollah Sistani kist? – *Baztab*. 01.04.2007. URL: <http://baztab.com/news/63904.php>.

во время иранской конституционной революции 1905–1911 гг., когда около 200 наиболее известных марджа (учителей, наставников) приняли активное участие в подготовке текста Конституции. Такой позиции придерживались влиятельные шиитские духовные авторитеты прошлого, последователем которых считает себя Систани, – Ахунд Хурасани, шейх Абдулла Мазандарани и аятолла Абулькасим Хои. Однако такой подход во многом не совпадал с основной позицией иранского духовенства, сформировавшейся после исламской революции.

Вернувшись в Ирак и оказавшись перед лицом необходимости определиться в условиях, когда режим Саддама Хуссейна был свергнут военными силами США, а страна стала полем столкновения множества военно-религиозных группировок, Систани понял, что его прежние взгляды нуждаются в коррекции. И он не испугался такую коррекцию произвести.

В отличие от Ирана, где более 90% населения – мусульмане-шииты, Ирак – государство многоконфессиональное. 65% населения здесь – шииты, а сунниты составляют около 30%. По этой причине Систани резко выступил против перенесения в Ирак иранской модели (хотя многие ждали от него именно этого) и не захотел свой огромный духовный авторитет использовать для прихода к политической власти.

Огромную роль в тот момент в Ираке играл другой шиитский деятель, крайне радикальный Муктада ас-Садр, обладавший авторитетом ярого борца против саддамовского режима, что позволило ему создать свое вооруженное формирование – «Армию Махди». В 2003 г. ас-Садр попытался стать единоличным лидером шиитов и установить свой контроль над еще одним священным шиитским городом (кроме Наджафа) – Кербелой. Однако ему оказало сопротивление другое шиитское формирование, ориентированное на Систани, – «Армия Бадр». Ас-Садру пришлось признать и духовное, и военное превосходство Систани. При этом необходимо отметить, что аятолла не воспользовался поражением своего конкурента и даже удержался от осуждающей риторики: шииты должны сохранять единство.

Даже сами обстоятельства возвращения Систани в Наджаф стали очередным фактором подкрепления его авторитета. Аятолла отправился в свой город из Кувейта, пересек границу и был встречен огромной толпой верующих, в которую включились солдаты и полицейские, которые должны были поддерживать порядок. Наджаф же в тот момент был окружен американскими воинскими частями. Чем ближе экзальтированные толпы подходили к городу и окружавшим его войскам, тем вероятнее становилось кровопролитие. Разрядило ситуацию свойственное аятолле искусство компромисса: в результате переговоров американские части ретступились и пропустили его и сопровождающих без единого выстрела. Под влиянием Систани начались переговоры между «Армией Махди», контролировавшей Наджаф, и американскими военными. В результате было подписано мирное соглашение, по которому из священного города, где находится могила первого шиитского имама Али ибн Абу Талиба, выводились все вооруженные формирования – как сторонники ас-Садра, так и иностранные военные. Ответить за город стала иракская полиция. Таким образом, Наджаф был спасен, и страна избежала нового витка кровопролития. Хотя Систани неоднократно заявлял о себе как о противнике «иранской модели» для Ирака, это не помешало духовному лидеру ИРИ аятолле Али Хаменеи выразить ему свою признательность.

Традиционная квиетистская позиция Систани стала меняться начиная с 2004 г. Если еще в 2003 г. Систани стоял на позициях категорического политического «неучастия» (что не удивительно, учитывая, что С. Хуссейн еще находился у власти), то в «постбаасистский» период аятолла пришел к выводу о необходимости усиления вовлеченности шиитских духовных авторитетов в политическую сферу. Но какими методами и с какими идеями?

Своей основной задачей Систани считал мобилизацию своего влияния с целью обеспечения мирного перехода к демократическому правлению, опирающемуся на плюрализм и массовую поддержку [Walbridge 2001: 237]. Ставка была сделана на метод непрямого, опосредованного участия в политике. Даже его активное участие в написании Конституции носило в основном опосредованный характер:

духовный лидер влияет на людей, направляет их, а они действуют. Летом 2003 г. он призвал своих последователей к «активному гражданству», подчеркивая, что без этого новая иракская власть не будет ни «прозрачной», ни достаточно легитимной.

Само понимание демократии у Систани во многом находилось в традиции усулитского подхода, сформулированного около 100 лет назад аятоллой Наими, автором идеи шиитского демократического управления. В соответствии с этой традицией единственным источником создания законов являются главные священные книги ислама, а роль священнослужителей должна заключаться в духовном руководстве мусульманским сообществом с целью обеспечения справедливости и «социального контракта»: необходимо защищать общество от произвола власти, воздействуя на представителей власти духовно, предупреждая их о необходимости соблюдать интересы граждан. Исходя из современных условий, Систани, таким образом, выступал за духовный контроль над официально выбранными чиновниками с целью защиты интересов избирателей и недопущения деспотизма. Однако при этом Систани не был согласен со своим предшественником Наими в том, что должен существовать некий духовный официальный орган, изучающий и одобряющий законопроекты. Поэтому он не одобрил принцип изучения законопроектов, вносимых на рассмотрение Ассамблеи Советом стражей. С его точки зрения, официальный религиозный институт, действующий внутри государственного аппарата, не нужен [Nakash 2006: 9].

У Систани были и другие предложения по совершенствованию шиитской демократии. Так, в шиизме большую роль играют клерикальные юристы — специалисты по исламскому законодательству. По мнению Систани, деятельность клерикальных юристов должна охватывать «общие дела, от которых зависит исламская социальная система». То есть, духовные авторитеты должны руководить практически всеми сферами общественной жизни, не будучи частью государственного аппарата. Именно здесь видны различия между подходами Систани и Хомейни. Хомейни дал исламским юристам право принимать политические решения. Таким образом, шиитское духовенство стало частью не общества, но государства, и демократическому духу шиизма был нанесен сильный удар. Систани вообще не склонен абсолютизировать роль исламских законодателей и наставников (марджа), считая, что и обычный шиит может глубоко разбираться в духовных вопросах.

Систани выступил против того, чтобы законопроекты вначале официально одобрялись религиозными деятелями, однако саму систему демократического управления, которая стала формироваться в Ираке, он поддержал. Аятолла высказался за обязательное существование законодательного органа, избранного гражданами, за создание политических партий. Это сближает его с некоторыми иранскими религиозными мыслителями конца 1990-х гг., такими как Мохсен Кадивар и Хасан Юсефи Эшкивари, в работах которых провозглашается, что шиитский политик должен думать не только о религиозных законах, но и о том, как соблюдаются права и свободы граждан и как принимаемые законы отвечают общему благу [Kamrava 2008: 72]. По мнению Систани, участие граждан в политической жизни, в выборах необходимо, т.к. без этого не возникнут «прозрачные» институты, избранные народом, а без них достижение общего блага проблематично.

Свои взгляды на шиитскую демократию Систани пришлось отстаивать на практике уже в ходе первых месяцев американской оккупации Ирака. По соглашению между Временной коалиционной администрацией и Советом Ирака, которое подготовил представитель США в Ираке Пол Бремер, предусматривался быстрый переход власти к иракской стороне, проведение выборов 30 июня 2004 г. Однако сам процесс этого перехода под контролем американцев был слишком сложным — 7-ступенчатым. Он получил название «кокусный план». Систани резко выступил против системы кокусов по двум причинам: эта система нарушает важнейший принцип: «один человек — один голос»; кроме того, она явно создана по американским образцам и курируется США. Подобная избирательная система приведет не к демократии, а к замещению одного нелегитимного правительства другим, таким же нелегитимным. Таким образом, Систани сыграл значительную

роль в продвижении идеи прямых выборов для формирования переходного правительства.

Надо сказать, что требование Систани нашло понимание и у американцев, и в самой стране. В ходе выборов в Ираке 31 января 2005 г. наибольшее число голосов получила именно шиитская партия, созданная при поддержке Систани, — Иракский национальный альянс. Вместе с тем и победа шиитской партии, и дальнейшее усиление роли влиятельного аятоллы у многих снова активизировало подозрения, что он может стать иракским Хомейни и альтернативой иракскому хаосу станет шиитский режим по иранскому образцу. Однако сам Систани и его сподвижник Ф. Барулулум, руководитель Лондонского фонда аятоллы, высказались на этот счет однозначно: такого правительства, как правительство Ирана, они не хотят. И в дальнейшем Систани будет утверждать, что религиозные деятели должны дистанцироваться от непосредственной политики ради сохранения уважения и авторитета.

Другой его постоянно высказываемой идеей стала идея иракского единства. Однако именно здесь иракскую политику ожидали самые большие проблемы. Иракские выборы 2005 г., хотя и были признаны легитимными, не разрешили множества проблем и, в частности, проблему взаимоотношений шиитов и суннитов, а также курдский вопрос. К сожалению, созданное по итогам выборов иракское правительство не смогло обеспечить то главное, без чего не мог существовать Ирак и о чем предупреждал Систани, — единство иракского населения. Правительство пошло по пути «ливанизации» — распределения должностей по принципу конфессиональной и этнической принадлежности. В стране, где имеется ярко выраженное преобладание одной конфессиональной группы над другой, это не могло не породить конфликт. И если в присутствии воинских частей США и НАТО конфликт тлел подспудно, то сразу после вывода войск он резко вырвался наружу.

Аятолла Систани изначально выражал свое недовольство «ливанским» подходом к формированию органов власти. Он утверждал, что допущенная по отношению к суннитам дискриминация должна быть ликвидирована. Более того, он выступил за массовую амнистию политических заключенных, за исключением тех, чье участие в терактах, повлекших человеческие жертвы, было доказано. Но иракские власти, даже если бы и захотели, уже не могли прислушаться к этим советам. К 2010 г. ситуация вышла из-под контроля, и страна постепенно оказалась полностью охваченной суннитским террором.

Был ли прав аятолла Систани, когда предпочел сохранить свой статус религиозного авторитета и дистанцироваться от политики? К сожалению, быть только религиозным деятелем и не иметь реальных рычагов власти оказалось недостаточно. Тем не менее взгляды этого религиозного мыслителя уже сыграли значительную позитивную роль на Ближнем Востоке, и их дальнейшее распространение будет однозначно способствовать решению имеющихся там колоссальных проблем.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-03-00656).

Список литературы

- Kamrava M. 2008. *Iran's Intellectual Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press. 228 p.
- Nakash Y. 2006. *The Shi'a in the Modern Arab World: Reaching for Power*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 226 p.
- Nasr V. 2008. The Shi'a Revival: How Conflicts within Islam Will Shape the Future. — *Iran & the Caucasus*. Vol. 12. No 2.
- Rahimi B. 2012. Democratic Authority, Public Islam, and Shi'i Jurisprudence in Iran and Iraq: Hussain Ali Montazeri and Ali Sistani. — *International Political Science Review*. № 33(193).
- Rizvi S. 2010. Political Mobilization and the Shi'i Religious Establishment (Marja' Iyya). — *International Affairs*. № 86(6).

Walbridge L.S. 2001. *The Most Learned of the Shi'a: The Institution of the Marja' Taqlid*. N.Y.: Oxford University Press. 288 p.

FILIN Nikita Aleksandrovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor of the Chair of Modern East, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for Humanities (Miuskaya sq., 6, Moscow, Russia, 125993; filinnikita@yahoo.com)

PILOYAN Margarita Grachievna, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Socio-Humanitarian Disciplines, Moscow State Academy of Water Transport (Novodanilovskaya em., 2, bld. 1, Moscow, Russia, 117105; _amanor_@mail.ru)

AYATOLLAH ALI SISTANI: NEW OPPORTUNITIES OF THE OLD SCHOOL OF THE SHIITE RELIGIOUS MENTORING

Abstract. The article analyzes characteristics of the religious and political views of marja-i taqlid Ali Sistani, and socio-political context of his activities. Sistani has developed the political position of «non-participation» and Shiite ideas of democratic governance. And in accordance with this tradition the main holy book of Islam is the only source for creation of laws, and the role of the clergy should be in the spiritual leadership of the Muslim community in order to ensure fairness and social contract. Sistani, thus, has played the great role for the spiritual control of the officially elected power in order to protect the interests of voters and prevent despotism. Sistani's views play a significant positive role in the Middle East, and its subsequent distribution will definitely help to solve the actual enormous problems.

Keywords: Iran, Iraq, theocracy, religion, religious mentoring, Shiism

---

УДК 340.15

ДУДИН Павел Николаевич – к.полит.н., доцент кафедры международного права и международных отношений юридического факультета Бурятского государственного университета (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24А; dudin2pavel@gmail.com)

МЕСТО И РОЛЬ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВО ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ В 1930–1940-х гг.

Аннотация. В статье освещается роль религии и религиозных институтов в процессе становления государственности во Внутренней Монголии в период существования Мэнцзяна. Изучение места и значения буддизма в системе государственных отношений и его влияния на процесс принятия решений позволяет лучше понять процесс образования суверенного государства монгольских народов.

Ключевые слова: Мэнцзян, Внутренняя Монголия, религиозные институты, буддизм, государственность

В истории Внутренней Азии существовало немало теократий либо стран, которые в своей государственной системе отводили значительное место религии, преимущественно буддизму. Под буддистским государством следует понимать такое государство, население которого в основной своей массе исповедует буддизм, его статус поддерживается на законодательном уровне, и религиозные нормы включаются в нормативные правовые акты или даются отсылки к ним. Современная политическая карта мира не богата на буддистские государства. Ряд стран, преимущественно в Юго-Восточной Азии, закрепляют в своих основных законах особое